

Алый ирис

Лана Рокошевская

Лана Рокошевская

Алый ирис

«Автор»

2026

Рокошевская Л.

Алый ирис / Л. Рокошевская — «Автор», 2026

Франция, 1799 год. В ночь переворота в Сен-Клу на глазах Жюли Лефевр погибает её отец, парижский печатник. Перед смертью он успевает передать дочери красную тетрадь с именами, суммами и тайными сделками людей, способных менять судьбы государств. Единственным союзником Жюли становится офицер Жан-Батист де Вильнев. Но его фамилия обнаруживается среди опасных записей, а серебряная печатка на его руке украшена тем же ирисом, что и таинственная тетрадь. Пытаясь раскрыть правду, Жюли проходит через политические интриги, тайные поставки оружия, военные походы и дворцовые заговоры. Чем ближе разгадка, тем страшнее становится прошлое её семьи. «Алый ирис» – историко-приключенческий роман о любви и предательстве, семейных тайнах, цене власти и женщине, которая отказалась позволить другим написать её судьбу.

© Рокошевская Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. НОЧЬ В СЕН-КЛУ	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. РЕСПУБЛИКА В МАСКЕ	9
ГЛАВА 1. ПЕЧАТНИК С УЛИЦЫ СЕН-ЖАК	9
ГЛАВА 2. ОФИЦЕР БЕЗ ПОЛКА	14
ГЛАВА 3. ДОРОГА НА ЮГ	20
ГЛАВА 4. СКЛАД У РОНЫ	24
ГЛАВА 5. АЛЫЙ ИРИС	28
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЗОЛОТО КОНСУЛЬСТВА	32
ГЛАВА 6. БРАТ В ЧУЖОМ МУНДИРЕ	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Лана Рокошевская

Алый ирис

У власти всегда есть печать. У правды остаётся память тех, кого не удалось заставить молчать.

* * *

ПРОЛОГ. НОЧЬ В СЕН-КЛУ

Сначала Жюли слышала стекло.

Оно звенело в высоких окнах Сен-Клу, когда ноябрьский ветер швырял в них дождь и мокрые листья. Потом раздались крики депутатов, топот сапог, резкий скрип распахиваемых дверей. Коридор, ещё утром пахнувший воском и сырым камнем, наполнился дымом факелов, влажной шерстью мундиров и железистым запахом крови.

Этьен Лефевр сидел на полу, прислонившись спиной к панели из тёмного дуба. Его парик потерялся, седые волосы прилипли ко лбу. Под пальцами, которыми он зажимал рану, расплозлось тёмное пятно.

– Отец, поднимайтесь.

Жюли говорила так, словно достаточно было произнести приказ твёрдо, и тело послушается. Она подхватила его под плечи. Этьен застонал, но не сдвинулся.

За стеной кто-то закричал:

– Долой диктатора!

Почти сразу голос оборвался. В другом конце дворца гренадеры генерала Мюрата очищали зал Совета пятисот.

– Не меня, – выговорил Этьен. – Красную тетрадь.

Она лежала под опрокинутым столиком. Обычная книга в сафьяновом переплёте, каких в типографии было десятки. Только края страниц были окрашены киноварью, а на застёжке серебрился ирис.

Жюли подняла её и почувствовала странную тяжесть. Не вес бумаги. Вес того, ради чего человек готов убить.

– Что в ней?

– Деньги. Имена. Люди, которые платили за сегодняшний день ещё до того, как Бонапарт решил, что он наступит.

Этьен судорожно втянул воздух.

– Возьми печатку.

На его руке не было кольца.

– Какую печатку?

Дверь распахнулась.

На пороге стоял офицер конных егерей. Высокий, в тёмно-зелёном доломане, забрызганном грязью, с порезом у правого виска. Он держал саблю опущенной, но рука была готова поднять её в одно мгновение.

– Здесь нельзя оставаться.

– Помогите отцу.

Офицер опустился рядом с Этьеном. Пальцы его быстро нашли пульс, затем замерли. Жюли увидела ответ раньше, чем он произнёс.

– Рана слишком глубока.

– Вы врач?

– Нет.

– Тогда не решайте.

Она сорвала с себя шёлковый шарф и попыталась затянуть повязку. Офицер перехватил её руки.

– Если хотите спасти его, не двигайте.

– Вы только что сказали, что его нельзя спасти.

Он отпустил.

Этьен открыл глаза и посмотрел на его правую руку. На безымянном пальце офицера был тяжёлый серебряный перстень с тем же ирисом.

– Вильнев, – прошептал печатник.

Офицер побледнел.

– Вы меня знаете?

– Не тебя. Твоего отца.

Жюли прижала тетрадь к груди.

– Что связывало вас с моим отцом?

– Я вижу его впервые.

– Он назвал вашу фамилию.

– Возможно, потому что узнал печатку.

Сзади слышались неторопливые шаги.

Человек в сером сюртуке шёл по коридору, обходя бегущих слуг и солдат так спокойно, словно находился не в центре переворота, а на прогулке по Пале-Роялю. Его светлые волосы были аккуратно припудрены, на манжетах не было ни пятнышка.

– Господин де Вильнев, генерал Мюрат требует вас в Оранжерее.

Офицер не обернулся.

– Кто вы?

– Арман Делакура.

Этьен дёрнулся.

– Не ему.

Делакура остановился. Его взгляд скользнул по тетради, по крови, по лицу Жюли. Не задержался нигде, но она почувствовала себя осмотренной до последней пуговицы.

– Мадемуазель Лефевр, ваш отец оказал Республике немало услуг. Я позабочусь о вас.

– Вы знали его?

– Достаточно.

Этьен с неожиданной силой сжал запястье дочери.

– Улица Сен-Жак. Под прессом. Сожги, если...

Он не закончил.

В коридоре стало тихо, хотя за дверьми продолжали греметь сапоги и кричать люди. Жюли смотрела на лицо отца и ждала следующего вдоха.

Его не было.

Делакура снял перчатки.

– Мне жаль.

– Не произносите это так, будто подписываете расписку.

Он впервые улыбнулся. Не насмешливо. Почти с интересом.

– Вы действительно дочь Этьена.

Офицер поднялся.

– Я выведу её.

– Вы должны быть с генералом.

– Генерал обойдётся.

– А Первый консул?

– Его ещё нет.

Делакура посмотрел на него внимательнее.

– Через несколько часов будет.

Жюли сунула тетрадь под плащ.

– Я никуда не пойду с вами обоими.

– В таком случае вас найдёт полиция, – сказал Делакура. – Она менее терпелива.

– Вы угрожаете?

– Предупреждаю. Это разные вещи.
В конце коридора показались гренадеры.
Офицер встал между ними и Жюли.
– Через кухню есть выход во двор.
– Откуда вы знаете?
– Я здесь уже третий раз за ночь.
Он протянул руку.
– Жан-Батист де Вильнев.
Жюли посмотрела на перстень с ирисом.
– Я запомнила.

Она не приняла руку, но пошла рядом.

Они спустились по узкой служебной лестнице. На площадке лежал лакей, оглушённый прикладом. Из кухни тянуло подгоревшим соусом, луком и дымом. Повара прятались у очага, одна из служанок молилась, прижимая к груди связку ключей.

Жан-Батист распахнул заднюю дверь. Во дворе метались лошади, курьеры кричали друг на друга, кареты застряли у ворот. Дождь бил в лицо.

– Куда вы меня ведёте?
– В Париж.
– Мой отец остаётся там.
– Если вернёмся за телом, останемся рядом с ним.

Жюли остановилась.

Он схватил её за плечи, но сразу разжал пальцы, словно вспомнив, что она не солдат.

– Послушайте. Через десять минут дворец будет закрыт. Делакруа уже знает, что тетрадь у вас. Полиция узнает следом. Вы ничего не сделаете для отца, если позволите им взять вас.

– Вы слишком легко говорите о мёртвых.
– Потому что видел их слишком много.

К ним подбежал молодой егерь с двумя осёдланными лошадьми.

– Ротмистр, генерал спрашивает...
– Скажи, что меня задержали.
– Чем?

Жан-Батист взглянул на Жюли.

– Семейным делом.

Он помог ей сесть на гнедую кобылу. Жюли ездила с детства, но мокрая юбка цеплялась за луку седла, тетрадь мешала дышать, а руки дрожали.

Они вырвались из двора через боковые ворота. Дорога к Парижу была забита экипажами. По обочинам стояли крестьяне, привлечённые шумом, солдаты ругались, из почтовой кареты выглядывал испуганный чиновник.

У Севрского моста Жюли обернулась.

На другом берегу, под фонарём, стоял Делакруа. Дождь стекал по полям его шляпы. Он не пытался преследовать.

Только поднял руку.

Между пальцами блеснул серебряный ирис.

Не перстень Жан-Батиста. Другая печатка.

Жюли поняла, что отец умер не случайно, а ночь в Сен-Клу была лишь первой страницей истории, которую кто-то начал писать задолго до её рождения.

* * *

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. РЕСПУБЛИКА В МАСКЕ

ГЛАВА 1. ПЕЧАТНИК С УЛИЦЫ СЕН-ЖАК

Париж встретил переворот дождём и очередями за хлебом.

Газетчики уже кричали на углах, что Республика спасена. Никто из них не мог толком объяснить, от кого именно. Вчера существовала Директория, сегодня появились три консула, а булочник на улице Сен-Жак продавал буханку всё по той же цене, которую вдова сапожника с двумя детьми не могла заплатить.

Жюли вернулась в типографию на рассвете.

Дом Лефевров стоял в узком дворе, куда солнце заглядывало только летом. На первом этаже работали два ручных прессы; выше находились наборная, склад бумаги и три комнаты, в которых семья жила с тех пор, как Этьен купил мастерскую у своего тестя. В воздухе постоянно держались запахи масла, свинца, клея и влажной бумаги. Для Жюли они были запахом дома.

Поль спал, положив голову на сложенные пачки прокламаций.

Ему было семнадцать. Во сне он выглядел ребёнком, хотя наяву уже отрастил короткие усы и уверял, что готов умереть за Францию.

Жюли сняла мокрый плащ. Красная тетрадь лежала под платьем, прижимаясь к рёбрам.

– Поль.

Он вскочил, ударившись коленом о наборную кассу.

– Где отец?

Жюли не сумела ответить сразу. Брат посмотрел на её лицо и понял.

– Нет.

Он отступил, будто она сама нанесла удар.

– Я должен был ехать с ним.

– Тогда ты лежал бы рядом.

– Кто это сделал?

– Не знаю.

– Ты видела убийцу?

Она вспомнила руки Делакура в карманах мёртвого.

– Видела человека, который знал, что искать.

Поль схватил куртку.

– Куда ты?

– В Сен-Клу.

– Дворец занят войсками.

– Тем лучше. Найду солдата, который видел.

Жюли заперла дверь.

– Ты останешься.

– Я не мальчик.

– Именно поэтому обязан понимать приказ.

Он посмотрел на неё с ненавистью, которая появляется только между близкими: слишком точной, чтобы быть долговечной.

– Ты говоришь как отец.

– Сегодня кто-то должен.

Они похоронили Этьена на кладбище Святой Екатерины через два дня. На службу пришли наборщики, переплётчик с соседней улицы, две женщины из прихода и Жан-Батист де Вильнев.

Он стоял в стороне, без мундира, в простом тёмном сюртуке. Печатка исчезла с его руки. После молитвы Жюли подошла к нему.

– Почему вы здесь?

– Ваш отец назвал мою фамилию.

– Любопытство привело вас на похороны?

– Вина.

– В чём?

Он посмотрел на могилу.

– Я был в Сен-Клу с отрядом, который охранял коридоры. Человек Делакруа попросил пропустить экипаж с печатниками. Я не проверил документы.

– Вы привезли моего отца?

– Я пропустил тех, кто его привёз.

Это было не то же самое. Но гнев не желал разбираться в точности.

– Значит, вы действительно служили Делакруа.

– Я служил армии.

– Так говорят все люди, которым удобнее не замечать, кто платит.

Он принял удар молча.

– Мне нужно увидеть тетрадь.

Жюли не дрогнула.

– Какую?

– Ту, которую вы спрятали под плащом.

– Вы следили за мной?

– Я смотрел.

– Разница утешительна.

Жан-Батист вынул из кармана небольшой свёрток. Внутри лежала серебряная печатка с ирисом.

– Отец оставил её мне перед смертью. Он сказал, что знак принадлежит обществу офицеров, которые во время Террора помогали переправлять людей через границу. Делакруа был одним из них.

– Герой?

– Нет. Он брал деньги с обеих сторон.

– А ваш отец?

– Исчез в девяносто четвёртом. Мне сказали, что его казнили в Лионе.

– Кто сказал?

– Делакруа.

Жюли посмотрела на печатку.

– Мой отец хотел, чтобы я нашла что-то под прессом.

Они вернулись в типографию. Поль встретил офицера холодно, но не стал спорить. Втроём они подняли тяжёлую станину старого пресса.

Под деревянной опорой находилась узкая полость. В ней лежал пакет, завёрнутый в промасленное полотно.

Жюли разрезала шнур.

Письма. Квитанции. Списки. И портрет женщины лет тридцати с тёмными волосами, высокой шеей и глазами, похожими на глаза Жюли.

На обороте было написано: «Клер Лефевр. Для Армана, если я не успею сказать сама».

– Моя мать умерла восемь лет назад, – сказала Жюли.

Жан-Батист взял верхнее письмо.

– Делакруа знал её?

– Похоже.

Поль раскрыл красную тетрадь.

– Здесь его имя.

На странице стояла дата, предшествовавшая браку Этьена и Клер. Рядом сумма: десять тысяч ливров. Под ней: «Отказалась. Выбрала Лефевра».

Жюли почувствовала холод, хотя в печи горел уголь.

Снаружи ударили в дверь.

– Полиция! Открыть именем Республики!

Жан-Батист мгновенно погасил лампу.

– Есть задний выход?

– Через склад.

Поль сунул документы за пазуху.

– Я останусь.

– Нет, – одновременно сказали Жюли и офицер.

Дверь затрещала.

Жан-Батист взял Жюли за плечи.

– Если они найдут тетрадь, погибнете не только вы.

– Вы предлагаете доверить её вам?

– Предлагаю унести по разным дорогам.

Поль схватил половину бумаг. Жюли прижала тетрадь к груди.

Жан-Батист выбил доску в задней стене склада. За ней открывался двор соседней переплётной.

– Вперёд.

Они успели выбраться, когда входную дверь сломали.

Во дворе пахло горячим клеем и кожей. Морель, переплётчик, увидел их и без вопросов открыл дверь в подвальную комнату. Его жена стянула с Жюли мокрый плащ, сунула ей чепец служанки и велела молчать.

Через решётку у пола было видно, как полицейские вывели во двор двух наборщиков. Один плакал, другой ругался.

Жюли сжала кулаки.

– Они ни в чём не виноваты.

– Если выйдете, виноваты станут все, – тихо сказал Жан-Батист.

Она ненавидела его за правоту.

Два часа они сидели в тесноте среди рулонов кожи. Поль молчал. В его руках была маленькая квитанция с подписью Делакура.

– Здесь фамилия Вильнев, – сказал он. – Пьер де Вильнев получил деньги в прошлом году.

Жан-Батист резко поднял голову.

– Мой отец умер пять лет назад.

– Или вам сказали, что умер.

Снаружи хлопнула дверь. Морель спустился.

– Полиция ушла. Но дом опечатали. И ещё...

Он замялся.

– Что?

– У стены стоит господин в сером сюртуке. Ждёт.

Жюли поднялась по лестнице.

– Не выходите, – сказал Жан-Батист.

– Вы снова приказываете.

– Да.

– Тогда я снова не слушаюсь.

Она вышла во двор.

Делакруа стоял у обгоревшей вывески, которой ещё вчера не было. Кто-то поджёг связку бумаги у двери, но огонь успели затоптать.

– Вы быстро учитесь скрываться, – сказал он.

– А вы быстро находите.

– Я знал вашего отца двадцать лет.

– И мою мать.

Его лицо осталось спокойным, но взгляд потемнел.

– Она была необыкновенной женщиной.

– Она отказалась от вас.

– Она ошиблась.

– Вы до сих пор пытаетесь исправить её выбор?

Делакруа подошёл ближе.

– Я пытаюсь вернуть то, что Этьен украл.

– Женщины не являются собственностью, которую можно украсть.

– Вы говорите её словами.

Он протянул руку.

– Отдайте тетрадь. Дом будет возвращён, люди освобождены, ваш брат получит место в хорошей части.

– Вы предлагаете всё, чего мы боимся лишиться.

– Именно поэтому предложение имеет ценность.

Жюли посмотрела на его белые перчатки. На правой манжете была маленькая тёмная точка.

Кровь.

– Это вы были рядом, когда стреляли в отца?

Делакруа взглянул на пятно, словно увидел впервые.

– Я был рядом.

– Кто стрелял?

– Человек, которого Этьен считал другом.

– Имя.

– Тетрадь.

Они стояли молча.

За спиной Жюли скрипнула дверь. Жан-Батист вышел, держа руку у пистолета.

Делакруа усмехнулся.

– Вы всегда выбираете неподходящих защитников, мадемуазель.

– Я никого не выбирала.

– Пока.

Он поклонился и ушёл.

Жюли смотрела вслед, пока его экипаж не исчез за углом.

Потом заметила на земле маленький серебряный предмет.

Вторая половина ириса.

После ухода Делакруа Жюли вернулась в подвал Мореля. Поль сидел на полу, прислонившись к бочке с клеем. В руке он держал портрет матери.

– Ты знала? – спросил он.

– Что?

– Что она любила другого.

Жюли хотела ответить резко, но увидела, что брат не обвиняет. Он боялся, что их семья была построена на тайне.

– Любить можно больше одного раза, – сказала она. – Выбирать приходится каждый день.

Поль перевернул портрет. На обороте, под подписью, проступала ещё одна строка, почти стёртая временем: «Клер, если он не вернётся, приходи к мосту в полночь».

Жан-Батист взял лист и поднёс к свету.

– Это другой почерк.

– Делакруа?

– Нет. Моего отца.

Морель принёс лупу и масло. Под слоем лака обнаружили три крошечные отметки, похожие на типографские кресты. Этьен использовал такие знаки, когда хотел указать порядок набора.

Жюли разложила письма на полу. Кресты составили дату и адрес склада на набережной. Отец оставил не одну улику, а целую систему, понятную только человеку, выросшему среди литер.

– Он рассчитывал на тебя, – сказал Поль.

Эта мысль не утешила. Она означала, что Этьен заранее представлял собственную смерть.

Ночью Жюли не спала. В тесной комнате над мастерской Мореля слышались шаги детей, кашель старика, скрип крыши. Красная тетрадь лежала под подушкой.

Она вспоминала отца не мёртвым в Сен-Клу, а живым. Как он ругал её за слишком сильный нажим на форму. Как прятал сладости в ящике с пробелами. Как однажды сказал, что хороший печатник обязан уважать пустое место не меньше букв.

Теперь в его жизни обнаружилось слишком много пустых мест.

Жюли поймала себя на злости. Не на убийцу. На отца, который доверил ей опасность, но не доверил правду.

Утром она достала чистый лист и написала сверху: «То, что Этьен Лефевр не успел объяснить».

Ниже поставила первый вопрос.

«Почему мать должна была ждать Пьера де Вильнева у моста?»

* * *

ГЛАВА 2. ОФИЦЕР БЕЗ ПОЛКА

Они скрылись в доме актрисы Софи Беранже у ворот Сен-Мартен.

Софи была подругой Жюли со времён школы при монастыре урсулинок. После закрытия обители она ушла на сцену, меняла покровителей чаще, чем платья, и утверждала, что только театр позволяет женщине говорить правду, не рискуя быть принятой всерьёз.

Она открыла дверь в шёлковом халате цвета спелой сливы, с одной серьгой в ухе и гримом, не смытым после спектакля.

– Если это любовный скандал, входите. Если политика, идите к соседям.

– Полиция обыскала типографию.

– Значит, политика. Входите быстрее.

Жан-Батист остановился в прихожей.

Софи оглядела его.

– Высокий, мокрый и с глазами человека, которому нравится отдавать приказы. Жюли, ты всегда умела выбирать неприятности с хорошей осанкой.

– Он не моя неприятность.

– Тогда почему держит тебя за локоть?

Жюли высвободила руку.

– Потому что считает, что я не умею ходить.

– Я считаю, что вы не умеете останавливаться, – сказал Жан-Батист.

– Видишь? Уже ссоритесь как супруги.

Поль фыркнул и прошёл в комнату.

Софи дала им одежду. Жюли переделалась в простое серое платье горничной, спрятала волосы под белый чепец и впервые за ночь увидела себя в зеркале. Лицо казалось чужим: бледное, глаза тёмные от усталости, на щеке след крови отцовской руки.

Она не стала стирать.

Жан-Батист и Поль разложили бумаги на столе. В красной тетради были записаны поставки оружия в Вандею, выплаты парижским газетам, деньги членам Совета старейшин и офицерам, которых в нужный день требовалось поставить у нужной двери.

Напротив имени Жан-Батиста стояла сумма в четыре тысячи франков.

Поль поднял голову.

– Сколько стоит честь офицера?

– Моя мать умирала от воспаления лёгких, – ответил тот. – Делакруа оплатил врача и лекарства.

– И вы расплатились людьми в Сен-Клу.

Жан-Батист встал. Стул скрипнул по полу.

– Поль.

– Не называйте меня так, будто имеете право.

– Довольно, – сказала Жюли.

Брат повернулся к ней.

– Ты защищаешь его?

– Я не позволяю тебе превращать страх в оскорбления.

Он ушёл в соседнюю комнату, хлопнув дверью.

Софи налила всем дешёвого бургундского.

– Политика плохо влияет на манеры. Театр хотя бы оставляет антракт.

Жюли взяла письмо матери.

«Арман, я не могу выйти за тебя. Ты думаешь, что бедность Этьена унижает меня. Ты ошибаешься. Рядом с ним я остаюсь человеком. Рядом с тобой становлюсь наградой».

Ниже стояла дата: июнь 1781 года.

Делакруа хранил это письмо восемнадцать лет.

– Он убил отца из-за женщины, которая умерла? – спросила Жюли.

– Возможно, – сказал Жан-Батист. – Но тетрадь опаснее старой ревности.

Софи подошла к окну.

– На улице человек в коричневом пальто. Уже третий раз покупает каштаны у одного торговца. Даже я не люблю каштаны настолько.

Жан-Батист выглянул через щель в занавеске.

– Полиция Фуше.

– Министр ещё не назначен, – сказала Жюли.

– Его люди работают раньше указов.

План возник быстро. Софи должна была выйти через парадную дверь в платье Жюли. Поль через крышу отправлялся к переплётчику Морелю. Жюли и Жан-Батист спускались в театральный подвал, соединённый с мастерской декоратора.

– Я пойду с сестрой, – заявил Поль.

– Ты понесёшь копии, – сказала Жюли. – Если нас схватят, документы останутся.

– Значит, ты доверяешь их мне, но не доверяешь себя.

– Я доверяю тебе самое важное.

Он хотел возразить, но понял.

Перед уходом Жан-Батист отдал ему пистолет.

– Никогда не стреляй, чтобы доказать, что не боишься.

– Я не боюсь.

– Все боятся. Опасны те, кто этого не знает.

Поль взял оружие.

В подвале пахло краской, пылью и гнилыми досками. Среди декораций лежали картонные колонны, трон из позолоченной фанеры и огромная луна, которую поднимали над сценой на верёвках.

– Подходящее место для новой власти, – сказала Жюли.

– Почему?

– Здесь всё выглядит величественным только из зала.

Жан-Батист улыбнулся.

Они прошли через люк во двор мастерской. До улицы оставалось десять шагов, когда из темноты вышли двое.

Первый поднял дубинку.

Жан-Батист ударил его в горло ребром ладони. Второй схватил Жюли за платье. Ткань треснула. Она вытащила из чулка нож Софи и полоснула по руке.

Мужчина закричал.

Они бежали до канала Сен-Мартен. Там Жан-Батист остановился, тяжело дыша.

– Вы ранены?

– Нет.

Жюли увидела кровь на его рубашке.

– Вы всегда лжёте одинаково плохо?

Пуля прошла по боку. Она отвела его в заброшенный сарай у воды. Разрезала рубашку, промыла рану вином из фляги.

Он зажал зубами ремень.

– Кричать не запрещено.

– У меня есть достоинство.

– Оставьте немного на потом.

Рана оказалась неглубокой. Когда Жюли закончила повязку, пальцы её дрожали сильнее, чем во время нападения.

Жан-Батист коснулся её руки.

– Я не отдал отца Делакруа.

– Но принимали его деньги.

– Да.

– И продолжали служить.

– Да.

Он не оправдывался. Это раздражало меньше, чем могло бы, и больше, чем ей хотелось признать.

Снаружи слышались шаги.

На пороге сарая появился Поль.

Без шляпы, с рассечённой губой.

– Документы у Мореля, – сказал он. – Но типография горит.

Пожар был виден с набережной.

Пламя вырывалось из окон наборной, окрашивая мокрые крыши в медный цвет. Пожарные качали ручные насосы, соседи передавали вёдра, но вода стекала по стенам бесполезными чёрными ручьями.

Жюли стояла за толпой и смотрела, как рушится потолок комнаты, где умерла её мать.

Поль рванулся к дому.

Жан-Батист удержал его.

– Внутри никого нет.

– Там пресс отца.

– Он уже погиб.

Поль ударил его.

Офицер не ответил. Только крепче сжал плечи юноши, пока тот не перестал вырываться.

На другой стороне улицы Делакруа разговаривал с полицейским комиссаром. Увидев Жюли, он подошёл.

– Сожалею.

– Вы часто оказываетесь рядом с несчастьями, о которых сожалеете.

– Вы обвиняете меня в поджоге?

– Я обвиняю вас в том, что вы умеете пользоваться огнём.

Делакруа взглянул на Жан-Батиста.

– Ваш полк выступает в Италию через неделю. Если не вернётесь к службе, вас объявят дезертиром.

– Кто подписал приказ?

– Первый консул.

– Или вы?

– В данном случае различие несущественно.

Он повернулся к Жюли.

– У меня есть дом в Пасси. Вы с братом можете жить там. Типографию восстановят. Долги вашего отца будут погашены.

– Цена?

– Красная тетрадь.

– И всё?

– Для начала.

– Я предпочитаю пепел вашему дому.

– Гордость плохо греет зимой.

– Зато не запирает дверь снаружи.

Делакруа смотрел на неё долго, почти печально.

– Ваша мать говорила теми же словами.

– Не произносите её имя.

– Почему? Она любила меня.

– Она отказалась от вас.

Что-то изменилось в его лице. На одно мгновение исчезла гладкая уверенность, и Жюли увидела человека, которому много лет причиняла боль одна и та же фраза.

– Она испугалась, – сказал он.

– Она выбрала.

Делакруа ушёл.

Ночь они провели у Мореля. Старый переплётчик жил над мастерской вместе с женой, пятью детьми и двумя учениками. Для Жюли постелили на кухне. Сон не пришёл.

Она спустилась в мастерскую. Жан-Батист сидел у окна, проверяя пистолет.

– Вы уезжаете в Италию?

– Если останусь, Делакруа использует обвинение в дезертирстве.

– Значит, служба важнее.

– Нет. Но служба является единственным местом, где я ещё могу добраться до его счетов.

– Удобно.

– Вы хотите, чтобы я отказался от всего ради вас?

– Я хочу, чтобы вы не называли собственный выбор неизбежностью.

Он положил пистолет.

– Вы правы.

Ответ лишил её подготовленного гнева.

– Я поеду, потому что хочу вернуть имя. Потому что не умею жить без армии. И потому что боюсь оказаться рядом с вами бесполезным.

– Последнее особенно глупо.

– Знаю.

За стеной заплакал ребёнок. Морель что-то пробормотал во сне.

Жюли села напротив.

– В тетради есть упоминание склада в Лионе. Отец собирался туда.

– Вы хотите ехать?

– Да.

– Со мной?

– По той же дороге. Это не одно и то же.

Он улыбнулся.

– Разумеется.

Утром Поль объявил, что тоже едет.

– Нет.

– Ты больше не можешь запереть меня в типографии.

Слова ударили точнее, чем он ожидал. Жюли отвернулась.

Поль смягчился.

– Я не останусь ждать, пока вы оба решаете мою судьбу.

Жан-Батист посмотрел на неё, но не вмешался.

Жюли вспомнила, как сама обвиняла его в том же.

– Поедешь, – сказала она. – Но будешь выполнять мои распоряжения.

Поль рассмеялся.

– Это уже другое?

– Нет. Но я старшая сестра и имею право быть непоследовательной.

Софи добыла им документы торговцев бумагой и старый рыдван. Морель дал два пистолета, мешок хлеба и адреса знакомых печатников по дороге.

Перед отъездом Жюли вернулась к обгоревшему дому.

Под слоем золы она нашла одну свинцовую литеру. Букву «L», первую в фамилии Лефевр.

Она положила её в карман.

Когда экипаж тронулся, Париж звонил колоколами в честь новой Конституции.

У заставы их остановил офицер.

– Имена?

Жан-Батист подал документы.

Офицер прочёл и посмотрел внутрь.

– Торговец, его жена и брат?

Жюли встретила взглядом с Жан-Батистом.

– Да, – сказал он.

– Молодая жена, – усмехнулся офицер.

– И чрезвычайно недовольная, – добавил Поль.

Их пропустили.

За воротами Жюли сказала:

– Не привыкайте.

– К чему?

– Называть меня женой.

– Я даже не успел оценить преимущества.

Она должна была рассердиться.

Вместо этого впервые после смерти отца рассмеялась.

Перед отъездом они вернулись к пожарищу ещё раз. Полиция сняла печати только на время описи имущества.

Комиссар сидел у входа и записывал всё, что сохранилось: обгоревший пресс, три кассы литер, стол, два стула, медный котёл, портрет гражданки Клер Лефевр без рамы.

– Это принадлежит наследникам, – сказала Жюли.

– До решения о долгах принадлежит кредиторам.

– Дом куплен отцом.

– Дом заложен отцом.

Она впервые услышала об ипотеке. Этьен взял деньги два года назад, но не рассказал детям. Комиссар показал расписку с подписью.

Поль побледнел.

– Он не доверял нам.

– Он пытался оставить вам дело, – сказал Морель.

– Оставил долг.

Жюли заставила себя прочесть цифры. Сумма была такой, что восстановить типографию без покровителя невозможно.

Жан-Батист предложил продать коня.

– Нет.

– Это моя собственность.

– Именно поэтому не хочу, чтобы вы делали вид, будто спасение ничего не стоит.

– Я не делаю.

– Тогда скажите цену.

Он посмотрел на неё.

– Вернуться живой.

Ответ прозвучал слишком просто. Жюли отвернулась.

На улице Поль догнал её.

– Почему ты отказываешься от помощи?

– Потому что помощь превращается в право решать.

– Морель помог. Софи помогла. Я тоже помогаю.

– Вы не просите за это мою жизнь.

– А если Жан-Батист тоже не просит?

Жюли остановилась. Она привыкла видеть в мужской защите клетку, потому что Дела-круа строил её именно так. Но не всякая протянутая рука была ловушкой.

В тот день она приняла от Жан-Батиста пятьдесят франков. Записала долг и проценты.

Он прочитал расписку.

– Проценты слишком высоки.

– За риск.

– Какой?

– Что вы решите стать благородным.

Он рассмеялся.

Впервые их союз получил не только тайну и опасность, но и конкретную сумму, которую можно было однажды вернуть.

* * *

ГЛАВА 3. ДОРОГА НА ЮГ

Франция между Парижем и Лионом жила не по календарю переворотов, а по погоде.

В деревнях говорили о цене соли, о рекрутах, о разбойниках и о том, сколько зерна потребует армия весной. Имя Бонапарта произносили с надеждой, страхом или расчётом, но ни разу с тем благоговением, которое уже появилось в столичных газетах.

Рыдван ломался дважды. Первый раз у Этампа отлетело колесо. Второй у Невера лопнула рессора, и Поль заявил, что быстрее было бы нести экипаж на плечах.

Ночевали в трактирах, где простыни пахли дымом и чужим телом, а вино разбавляли водой из колодца. Жюли быстро научилась спать одетой и прятать тетрадь не в сундук, а под соломенный тюфяк.

Жан-Батист держался сдержанно. Он не пытался продолжить разговор, начатый у Мореля, не напоминал о мнимом браке, не касался её без необходимости. Именно это раздражало сильнее прежних приказов.

В Бурбон-Ланси они остановились у постоялого двора «Золотая лилия». Хозяйка подала им суп с луком, варёную курицу и сыр. За соседним столом сидели солдаты, направлявшиеся к Альпам.

Поль слушал их рассказы.

– Генерал Бонапарт переведёт армию через Сен-Бернар, – говорил сержант с красным носом. – Австрийцы не ждут.

– Пушки по воздуху понесут? – спросил трактирщик.

– На брёвнах.

– А лошади?

– Где пройдут люди, пройдут и лошади.

Жан-Батист покачал головой.

– На бумаге.

Сержант обернулся.

– Вы служили?

– Служу.

– Тогда знаете, что для генерала невозможного нет.

– Для генерала. Для солдата остаются холод, голод и камни.

Поль нахмурился.

– Вы не верите в победу?

– Верю. Поэтому знаю её цену.

После ужина Жюли вышла во двор. Дождь прекратился, между облаками показалась луна. Лошади тихо жевали сено.

Жан-Батист подошёл с двумя кружками горячего вина.

– Мир?

– Мы воевали?

– С первого коридора Сен-Клу.

Она взяла кружку.

– Вы знали Делакруа давно?

– С шестнадцати лет. После смерти матери он устроил меня в военную школу.

– Значит, был вам почти опекуном.

– Он называл это дружбой с отцом.

– А вы верили?

– Мне хотелось.

Вино пахло гвоздикой.

- Если мой отец знал вашего, почему никогда не говорил?
- Возможно, потому что оба участвовали в чём-то, чем не гордились.
- Или потому что защищали нас.
- Это не всегда разные вещи.

Она посмотрела на него.

Лунный свет смягчал резкие линии лица, но не делал его красивым в привычном смысле. Красивыми были уверенные движения, способность стоять неподвижно и всё же замечать каждую тень, редкая улыбка, появлявшаяся прежде в глазах, чем на губах.

Жюли почувствовала опасность, которой не было в тетради.

- Почему вы не женаты?
- Это допрос?
- Наблюдение.
- Был обручён. Она вышла за другого, пока я служил в Египте.
- Вы любили её?
- Думал, что да.
- А теперь?

Он сделал шаг ближе.

- Теперь стараюсь не отвечать на вопросы, способные испортить дорогу.

Жюли отступила.

Из конюшни донёсся треск.

Поль закричал.

Они бросились внутрь. Юноша боролся с человеком в чёрной куртке. Второй нападавший держал раскрытый сундук.

Жан-Батист сбил его ударом. Жюли подхватила фонарь и швырнула в солому перед дверью, отрезая путь.

Поль вытащил пистолет.

- Стой!

Нападавший бросился к окну. Поль выстрелил.

Человек рухнул.

Огонь на соломе быстро погасили. В конюшне осталось только тяжёлое дыхание лошадей и запах пороха.

Поль смотрел на мёртвого.

- Он собирался бежать.

Жан-Батист отобрал пистолет.

- Именно.
- Он бы вернулся.
- Возможно.

Поль опустился на колени и его вырвало.

Жюли обняла брата. Он дрожал всем телом.

- Я хотел служить, – прошептал он. – Хотел быть как они.
- Теперь знаешь, что мундир не делает выстрел легче.

На теле нашли жетон лионского склада Делакруа.

В кармане лежала записка: «Женщина несёт оригинал. Офицера можно вернуть приказом. Мальчик не нужен».

Жан-Батист прочитал последнюю строку и посмотрел на Поля.

- Теперь они будут считать тебя свидетелем.
- Пусть.
- Они считают свидетелей расходом.

Поль поднял голову. Лицо стало старше за один выстрел.

– Тогда я хочу знать, за что меня собираются убить.

Жюли не стала запрещать.

Утром они похоронили незнакомца за часовней. Поль настоял, чтобы священник прочитал молитву.

Потом всю дорогу до Лиона не произнёс ни слова.

На третий день они пересекли Луару. Наводнение смыло часть моста, и карету пришлось переправлять на плоту. Вода билась о доски, лошади храпели, Поль стоял у края слишком спокойно.

Жюли подошла.

– Ты не виноват, что он умер.

– Я нажал на курок.

– Он пытался убить нас.

– Но бежал, когда я выстрелил.

Она не нашла ответа.

Поль посмотрел на реку.

– Отец говорил, что у всякой буквы есть место. Если поставить её не туда, смысл меняется. А у человека есть место?

– Нет.

– Тогда почему все так уверены, куда нас поставить? Солдата туда. Печатника сюда. Женщину в дом. Бедняка в очередь.

Жюли взяла его за руку.

– Потому что порядок удобен тем, кто его составляет.

– А мы?

– Мы исправляем набор.

В Лион они въехали вечером. Над Роной стоял туман, мосты были мокрыми, в окнах зажигали масляные лампы. На постоялом дворе Жюли заметила мужчину в красном жилете, который слишком внимательно смотрел на их багаж.

Она не сказала ничего. Поднялась в комнату, оставила на кровати пустой сундук и через кухню вышла во двор.

Через четверть часа мужчина проник в комнату.

Жан-Батист ждал за дверью.

Это был не агент Делакруа, а жандарм.

В кармане лежал официальный приказ: ротмистр де Вильнев должен немедленно явиться к генералу Бертье. В случае отказа арестовать.

– Вот и повод разлучить нас, – сказала Жюли.

Жан-Батист прочитал приказ.

– Или возможность войти в штаб.

– Вы поедете?

– Да.

Она ожидала, что это будет больше.

– Когда?

– На рассвете.

– Значит, у нас есть ночь.

Слова прозвучали двусмысленно. Оба услышали.

Жан-Батист сделал шаг, но Жюли отвернулась к окну.

– Чтобы составить план, – добавила она.

– Разумеется.

Однако до рассвета они почти не говорили о плане.

На второй вечер после отъезда они остановились в доме вдовы почтмейстера. В общей комнате сушились чулки, пахло капустой, мокрой шерстью и яблочной брагой. Хозяйка принесла счёт, в котором отдельно стояли свеча, место в конюшне, горячая вода и право пользоваться простынями.

Жюли пересчитала монеты трижды. После пожара у неё оставалось меньше ста франков. Дорога до Лиона съедала сумму быстрее, чем она ожидала.

– У нас есть жалованье, – сказал Жан-Батист.

– У вас.

– Для троих его хватит.

– Тогда запишите долг.

Он посмотрел на неё, но спорить не стал. Взял обрывок бумаги и вывел: «Жюли Лефевр получила семь франков на дорожные расходы».

Она подписала.

Поль наблюдал с кровати.

– Вы собираетесь считать каждую кружку вина?

– Каждая кружка делает человека менее свободным, если за неё платит другой, – ответила Жюли.

– Тогда я должен тебе за семнадцать лет еды.

Она бросила в него свернутым чулком.

Позднее Жан-Батист помогал ей чистить наборные литеры, спасённые Морелем. Он делал это неловко, оставляя краску под ногтями.

– Вы держите литературу как оружие, – сказала Жюли.

– Всё маленькое и металлическое вызывает у меня подозрение.

Они смеялись тихо, чтобы не разбудить Поля. Впервые путь перестал быть только бегством. На несколько минут в тесной комнате возникло подобие дома, созданного из дорожного сундука, чужого стола и общей усталости.

Жюли испугалась этого сильнее, чем слезки. Опасность можно было ненавидеть. К домашнему теплу хотелось привыкнуть.

* * *

ГЛАВА 4. СКЛАД У РОНЫ

Лион помнил Террор лучше, чем Париж хотел помнить.

На площади Белькур стояли новые дома, но старики всё ещё показывали места, где расстреливали мятежников. На фасадах проступали следы пуль. Шёлковые мастерские снова работали, торговцы спорили о ценах, барышни выбирали ленты, но город разговаривал тише столицы.

Жюли сняла две комнаты в трактире у набережной Соны. Поль остался с ней. Жан-Батист отправился в штаб Бертье и не вернулся к вечеру.

Она сказала себе, что это ожидаемо. Потом проверила окно в третий раз.

Поль лежал на кровати и читал одну из отцовских квитанций.

– Ты можешь спросить у трактирщика.

– О чём?

– Не приходил ли офицер.

– Он пришёл бы наверх.

– Тогда не смотри в окно.

Жюли бросила в него свёрнутой салфеткой.

– Тебе стало лучше.

– Я стараюсь.

На следующий день они отправились к складу Делакура в квартале Перраш. Жюли надела тёмно-синее платье из шерстяной саржи, шляпку с короткой вуалью и перчатки, скрывавшие следы типографской краски. Поль изображал молодого приказчика.

Управляющий Вотрен был круглым человеком с белыми ресницами и тонким голосом.

– Господин де Вильнев писал, что вы прибудете втроём.

– Господина де Вильнева задержала служба.

– Жаль.

– Вы ожидали его?

– Я ожидал платёж.

Жюли положила на стол письмо с поддельной подписью, которое они составили ночью. Бумага была настоящей, печать скопирована с жетона, чернила состарены уксусом.

Вотрен прочитал.

– Вы торгуете бумагой?

– Мой отец торговал. Теперь дело моё.

– Женщина управляет типографией?

– Пока мужчины заняты тем, что переделывают Францию, кому-то приходится печатать их указы.

Он усмехнулся и провёл их по складу.

Рулоны бумаги лежали вдоль стен. Жюли провела пальцами по краю. Верхние листы были хорошей тряпичной бумаги из Анноне. Под ними лежали ящики, слишком тяжёлые для бумаги.

– Печатные станки? – спросила она.

– Свинец.

– Двести ящиков литер?

– Армия печатает много.

– Но не настолько.

Вотрен закрыл дверь.

– Сделка не состоится.

– Почему?

– Ваше любопытство дороже бумаги.

Во дворе поднялся крик. Из бокового сарая повалил дым.

Поль бросился к окну.

– Это наш человек?

– У нас нет человека.

Жюли увидела, как вдоль стены пробежала Софи в мужском плаще.

Актриса должна была оставаться в Париже.

– Теперь есть.

Софи подожгла бочку смолы и открыла задние ворота. Жюли и Поль проскользнули в сарай. В ящиках лежали ружейные замки, порох и серебряные монеты с австрийским чеканом.

– Он продаёт обеим сторонам, – сказал Поль.

Жюли нашла книги поставок. На первой странице стояла подпись Пьера де Вильнева.

Дата была прошлогодняя.

Жан-Батист считал отца мёртвым пять лет.

– Берём книгу.

Вотрен появился в дверях с пистолетом.

– Положите.

Поль шагнул вперёд.

Жюли заслонила брата.

– Сколько вам заплатили за моего отца?

– Я не знаю вашего отца.

– А Пьера де Вильнева?

Вотрен улыбнулся.

– Он знает вас.

Он выстрелил.

Жюли ударила по его руке книгой. Пуля ушла в потолок. Поль бросился на управляющего. Вотрен был тяжелее и сбил его с ног.

Жюли схватила деревянный рычаг и ударила по запястью. Пистолет отлетел.

Во двор ворвались жандармы.

Софи закричала:

– На крышу!

Они поднялись по лестнице на чердак. Внизу ломали двери.

Крыши складов сходились почти вплотную. Поль перепрыгнул первым. Софи за ним. На третьем доме между карнизами был провал шириной в два шага.

Жюли остановилась.

– Я не смогу.

– Сможешь, – сказал Поль с другой стороны.

– Не приказывай.

– Тогда прошу.

Она разбежалась.

На мгновение под ногами не было ничего. Потом Поль поймал её. Они упали на черепицу.

Софи уже открывала слуховое окно соседнего дома.

Внутри оказалась мастерская ткача. Рабочие смотрели, как трое незнакомцев спускаются с крыши.

Софи подняла руку.

– Репетиция.

Никто не поверил, но один старик всё же показал заднюю дверь.

Они добрались до берега Роны и спрятались на барже с тюками шёлка. Хозяин согласился отвезти до Вьенна за золотую монету и обещание, что полиция не узнает.

В трюме Жюли раскрыла книгу.

Поставки шли к подножию Сен-Бернара. Часть предназначалась французам, часть через посредников австрийцам.

На последней странице была записка:

«Арман, мальчик готов. Он ненавидит брата, которого никогда не видел. Пьер».

Поль присвистнул.

– Какой мальчик?

Жюли закрыла книгу.

– Возможно, у Жан-Батиста есть брат.

Софи сняла мужской плащ. Под ним было жёлтое сценическое платье с блёстками.

– Вы могли выбрать менее заметный наряд, – сказала Жюли.

– Я бежала со спектакля. В отличие от некоторых, не готовлю дорожные туалеты для преступлений.

– Почему ты приехала?

Софи стала серьёзной.

– Мореля арестовали. Типографию окончательно опечатали. Делакруа объявил, что Поль похищен офицером-дезертиром, а ты сошла с ума от горя.

– Удобно.

– Ещё удобнее другое. Он помолвлен.

Жюли почувствовала, как сердце делает болезненный удар.

– С кем?

– С мадемуазель Селестиной де Монрево. Богата, красива, имеет дядю в Сенате и ненавидит тебя, хотя никогда не видела.

– Почему должна ненавидеть?

– Потому что Жан-Батист отказался от свадьбы два года назад. Теперь она объявила, что готова простить.

Жюли посмотрела на мутное окно трюма.

Ночь в трактире, разговоры, почти случившийся поцелуй внезапно показались смешными.

Софи наблюдала за ней.

– Ты его любишь?

– Нет.

– Тогда почему у тебя лицо женщины, которой сообщили о смерти мужа?

– Потому что я устала от чужих тайн.

Баржа качнулась. Сверху послышался стук сапог.

Хозяин открыл люк.

– Жандармы проверяют суда.

Поль спрятал книгу под тюк шёлка.

Софи вытащила из сумки театральные белила.

– Если нас ищут как беглецов, станем больными.

Через несколько минут Жюли лежала на матрасе с лицом, покрытым белой пудрой, Софи изображала сиделку, Поль кашлял, а капитан уверял жандармов, что везёт семью, поражённую горечкой.

Один солдат заглянул в трюм и сразу отступил.

– Закройте!

Люк захлопнулся.

Софи улыбнулась.

– Театр спасает Францию чаще армии.

Баржа отошла от пристани.

На набережной появился Делакруа. Он не пытался остановить судно.

Только поднял руку.

На его пальце блестел алый ирис.

На барже Жюли впервые внимательно изучила книгу поставок. Цифры складывались в два параллельных потока: один шёл французской армии, второй тем, кто должен был с ней сражаться.

Софи лежала на тюке шёлка и чистила ногти ножом.

– Можно продавать обеим сторонам и всё равно считать себя патриотом?

– Можно считать себя предпринимателем, – сказал Поль.

– Тебе семнадцать, а ты уже говоришь как банкир.

Жюли заметила, что некоторые суммы повторяются каждые три месяца. Это были не разовые сделки, а содержание людей: чиновника в таможне, офицера на складе, наборщика в военной типографии.

Одно имя было зашифровано буквами «Ф. Ж.».

Жан-Батист узнал почерк пометок.

– Это не Делакруа. Пьер.

– Ваш отец вёл отдельный счёт?

– Похоже.

В книге отсутствовали несколько страниц. Их вырезали ножом аккуратно, не повредив переплёт.

Поль провёл пальцем по корешку.

– Отец учил, что вырванная страница оставляет след толще самой страницы.

Между листами сохранился оттиск чернил. Жюли прижала сверху тонкую бумагу и заштриховала углём. Проступить смогли отдельные слова: «Министр», «корсиканец», «день голосования», «вдова».

Софи перестала улыбаться.

– Какая вдова?

Никто не знал.

В Вьенне они сошли с баржи, чтобы купить провизию. На рынке Жюли впервые увидела женщину с двумя детьми, продававшую обручальное кольцо за мешок муки. Торговец долго проверял золото, потом предложил половину стоимости.

Жюли отдала женщине десять франков. Это были деньги Жан-Батиста.

– Теперь долг вырос, – сказала она вечером.

– Нет.

– Я потратила ваши деньги.

– Я дал их вам.

– В долг.

– Тогда считайте это моим расходом на совесть.

Жюли хотела возразить, но поняла, что снова пытается превратить всё в бухгалтерию, потому что цифры безопаснее благодарности.

* * *

ГЛАВА 5. АЛЫЙ ИРИС

Жан-Батист догнал их у Вьенна.

Он появился на дороге в сером плаще, верхом на чёрном англо-арабе. Конь был покрыт пеной, лицо всадника выглядело таким же усталым.

Поль первым выбежал из придорожной гостиницы.

– Вы арестованы?

– Пока нет.

– Помолвлены?

Жан-Батист посмотрел на него.

– Что?

Софи появилась в дверях, невинно улыбаясь.

– Париж полон новостей.

Жюли стояла у камина, не поворачиваясь. На ней было дорожное платье цвета зелёного мха, волосы после мытья сохли у огня. Она слышала, как он входит, снимает перчатки, отдаёт шпоры мальчику.

– Селестина де Монрево, – сказала она.

– Что с ней?

– Вы помолвлены.

– Нет.

– Она так не считает.

– Селестина редко считает чужое мнение препятствием.

Жюли повернулась.

– Вы были обручены?

– Два года назад.

– И не сочли нужным упомянуть.

– Мы обсуждали мою жизнь меньше часа.

– Достаточно, чтобы спросить, почему вы не женаты.

Он вспомнил разговор во дворе трактира.

– Я сказал, что был обручён.

– Не сказали, что невеста всё ещё ждёт.

– Она не ждёт. Она выбирает момент.

– Разница тонкая.

Жан-Батист подошёл ближе.

– Почему вас это волнует?

– Потому что я не люблю ехать рядом с человеком, чьи обязательства узнаю от актрис.

– Софи всегда сообщает новости выразительнее фактов.

– Благодарю, – сказала та. – Это почти комплимент.

Поль предложил показать книгу. Напряжение не исчезло, но дело заставило их сесть за стол.

Жан-Батист узнал почерк отца.

– Он жив.

В голосе не было радости. Только боль человека, который слишком долго учился ненавидеть мёртвого.

– Почему не вернулся?

– Может быть, не мог, – сказала Жюли.

– Или не хотел.

В книге имелись отметки о караванах, которые должны были присоединиться к армии у Лозанны. В одном стояла фамилия «Анри Вильнев».

– Мальчик, – сказал Поль.

– Ему должно быть около двадцати, – ответил Жан-Батист. – Мой отец исчез, когда мне было шестнадцать. Если Анри его сын...

– Он старше исчезновения, – заметила Жюли.

Жан-Батист закрыл книгу.

– Значит, отец лгал матери ещё до Террора.

Никто не возразил.

Они решили присоединиться к обозу торговцев, идущему в Женеву. Софи должна была вернуться в Париж, но отказалась.

– Моя роль закончилась, театр закрыт из-за траура по Республике, а Делакура всё равно считает меня сообщницей. К тому же я хочу увидеть Альпы.

Путешествие заняло десять дней. Дорога шла вдоль Роны, через виноградники, каменные городки и сырые ущелья. Ночи становились холоднее. На перевалах лежал снег.

В трактире у Шамбери они впервые встретили Селестину.

Она вошла в зал в сопровождении служанки и двух лакеев. Высокая, светловолосая, в дорожном рединготе из голубого сукна с серебряными пуговицами. Лицо было совершенным, как камея, и таким же холодным.

– Жан-Батист.

Он поднялся.

– Селестина.

Она протянула руку. Он коснулся её губами.

– Вы не отвечали на письма.

– Я был занят.

– Я вижу.

Её взгляд остановился на Жюли.

– Представьте нас.

– Мадемуазель Жюли Лефевр. Её брат Поль. Мадемуазель Софи Беранже.

– Актриса?

– Иногда, – сказала Софи. – Когда публика заслуживает.

Селестина улыбнулась.

– Вы путешествуете с торговцами?

Жюли ответила:

– Я ищу имущество отца.

– В Альпах?

– У моего отца были необычные должники.

– Полагаю, господин де Вильнев один из них.

– Пока мы не решили.

Жан-Батист вмешался.

– Что вы делаете здесь?

– Еду к дяде в Турин. Первый консул собирает вокруг себя тех, кто пригодится после победы.

– Победы ещё нет.

– Для Бонапарта это формальность.

За ужином Селестина села рядом с Жан-Батистом. Она знала офицеров, планы, семейные истории. Разговаривала легко, касалась его рукава, напоминала о прошлом.

Жюли ела форель и почти не чувствовала вкуса.

Софи наклонилась.

– Не смотри.
– Я не смотрю.
– Тогда перестань резать рыбу так, будто она оскорбила твою мать.
После ужина Селестина остановила Жюли у лестницы.
– Вы красивы.
– Это предупреждение?
– Наблюдение. Жан-Батист любит спасать женщин. Особенно тех, которые не просят.
– Я не нуждаюсь в спасении.
– Тем хуже. Он примет это за вызов.
– Вы хорошо его знаете?
– Я знаю, как он возвращается после войны. Сначала молчит. Потом ищет человека, которому можно приказывать жить вместо себя.
Жюли почувствовала укол, потому что слова были точными.
Селестина подошла ближе.
– Не обманывайтесь. Он может желать вас. Но женится на женщине своего круга.
– Вы пришли убедить меня или себя?
Улыбка Селестины исчезла.
– Берегитесь Делакруа. В отличие от Жан-Батиста, он не оставляет незавершённых желаний.
Она ушла.
Ночью в гостинице начался пожар.
Огонь появился сразу в двух местах: у конюшни и на лестнице. Кто-то запер дверь комнаты Жюли снаружи.
Дым наполнил коридор.
Поль бил плечом в дверь.
– Назад, – сказала Жюли.
Она завернула руку в мокрое одеяло, разбила окно и увидела крышу пристройки внизу.
Прыжок был возможен, но Поль не умел.
– Я первый, – сказал он.
– Нет.
– Я уже убил человека. Не надо продолжать считать меня ребёнком.
Он вылез на карниз.
В этот момент дверь распахнулась. Жан-Батист ворвался в комнату, лицо покрыто сажей.
– Окно!
Он спустил Поля на верёвке из простыней, потом Жюли. Сам прыгнул последним.
Во дворе Софи выводила лошадей, Селестина раздавала распоряжения лакеям.
Склад с багажом сгорел. Красная тетрадь была у Жюли под платьем, но книга поставок исчезла.
Утром нашли тело трактирного слуги. В кармане лежала серебряная монета Делакруа.
Селестина подошла к Жюли.
– Я предупреждала.
– Вы знали?
– Знала, что он отправил человека. Не знала, что тот подожжёт дом.
– Почему не сказали раньше?
– Хотела увидеть, насколько вы опасны.
Жюли ударила её.
Звук пощёчины прозвучал в тихом дворе.
Селестина медленно повернула лицо.
– Теперь увидели, – сказала Жюли.

Жан-Батист встал между ними.

– Довольно.

Селестина посмотрела на него.

– Вы защищаете её?

– Да.

Одно короткое слово изменило всё.

Селестина побледнела, но улыбнулась.

– Тогда надеюсь, она переживёт то, что вы называете защитой.

Она уехала.

Вечером Жюли и Жан-Батист сидели у маленького огня на дороге к Женеве. Поль и Софи спали у повозки.

– Вы не обязаны были говорить так, – сказала Жюли.

– Как?

– Перед ней.

– Я говорил правду.

– А помолвка?

– Её нет.

– Но могла быть.

– До Сен-Клу.

Он коснулся её щеки там, где утром горела чужая пощёчина.

– После Сен-Клу всё стало другим.

Жюли не отступила.

Поцелуй был осторожным только в первое мгновение. Потом накопившиеся страх, гнев и желание смяли осторожность. Она почувствовала вкус вина, холод его губ, силу рук, которые впервые не пытались удержать против её воли.

С дороги донёсся звук копыт.

Они отпрянули.

К костру подъехал молодой человек в австрийском мундире. Его лицо было похоже на лицо Жан-Батиста, только моложе и жестче.

– Брат, – сказал он.

Жан-Батист поднялся.

– Анри?

Молодой человек вытащил пистолет.

– Делакруа велел передать, что вы слишком близко подошли к отцу.

* * *

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЗОЛОТО КОНСУЛЬСТВА

ГЛАВА 6. БРАТ В ЧУЖОМ МУНДИРЕ

Анри не выстрелил.

Пистолет оставался направленным в грудь Жан-Батиста, но палец молодого человека не касался спускового крючка. Огонь освещал сходство между братьями: одинаковый разрез глаз, одна и та же линия скул, привычка слегка наклонять голову перед ответом.

– Где отец? – спросил Жан-Батист.

– Там, где ему приказали быть.

– Кто приказал?

– Человек, который дал мне имя, воспитание и место в мире.

– Делакруа не дал тебе имя.

– Зато он не стыдился моего существования.

Слова ударили сильнее пули.

Жюли встала между ними.

– Если вы хотели убить брата, сделали бы это с дороги.

Анри перевёл взгляд на неё.

– Вы дочь печатника.

– А вы сын человека, который двоих детей научил ненавидеть друг друга.

– Не говорите о том, чего не знаете.

– Тогда расскажите.

Он усмехнулся.

– Вы думаете, правда принадлежит тому, кто задаёт вопрос?

– Нет. Но ложь обычно принадлежит тому, кто боится ответа.

Жан-Батист коснулся её плеча.

– Отойди.

Она обернулась.

– Нет.

Анри опустил оружие.

– Делакруа сказал, что вы будете спорить именно так.

– Он знает нас? – спросила Жюли.

– Он изучает людей, которых хочет использовать.

Анри бросил в огонь сложенную бумагу. Жан-Батист успел выхватить её до того, как пламя добралось до края.

Это был пропуск через французские посты у Лозанны. В графе имени стояло: Пьер де Вильнев, инженер при штабе.

– Он жив? – Голос Жан-Батиста сорвался.

– Был жив неделю назад.

– Почему служит французам, если ты в австрийском мундире?

– Потому что форма удобнее убеждений.

Анри отступил к лошади.

– Не переходите Сен-Бернар. Если отец увидит вас, Делакруа убьёт его.

– А если не увидит?

– Убьёт позже.

Он вскочил в седло.

Поль схватил повод.

– Куда вы едете?

Анри ударил его рукоятью пистолета. Поль упал, но удержал ремень. Лошадь взвилась.

Жан-Батист бросился вперёд. Анри выстрелил в воздух, развернул коня и исчез в темноте.

На земле остался небольшой медальон. Внутри был портрет женщины с рыжими волосами и надпись: «Мари Вильнев, 1780».

Жан-Батист долго смотрел.

– Моя мать была черноволосой.

– Значит, у Анри другая мать, – сказала Жюли.

– И отец, который жил двумя жизнями.

На рассвете они добрались до Женевы. Город был полон военных чиновников, подрядчиков, шпионов и торговцев, стремившихся заработать на армии. В гостиницах не было мест. Они сняли комнату над лавкой часовщика.

Жан-Батист отправился к Бертье. Вернулся с приказом присоединиться к авангарду.

– Я уйду завтра.

Жюли держала медальон Анри.

– Мы идём с обозом.

– Нет.

– Вы знаете, что произойдёт, если скажете это слово.

– На перевале женщины погибают быстрее мужчин.

– На перевале погибают те, кого плохо снабжают. Я умею читать ведомости.

– Это не типография.

– Именно. Там ошибки стоят дороже бумаги.

Он ударил ладонью по столу.

– Я не могу вести полк и думать, где вы.

– Тогда не думайте.

– Вы невозможны.

– Вы заметили только сейчас?

Софи, сидевшая у окна, подняла палец.

– Я предлагаю компромисс. Жюли идёт с медицинским обозом. Поль со мной. Вы делаете вид, что не знаете.

– Почему ты идёшь? – спросила Жюли.

– Потому что в Женеве отвратительный театр.

Поль засмеялся. Смех ещё звучал неуверенно, но был настоящим.

На следующий день они увидели Бонапарта. Первый консул проехал по улице верхом на сером коне, окружённый офицерами. Он казался меньше, чем на гравюрах, бледнее и моложе. Люди кричали, снимали шляпы, женщины протягивали детей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.